

АРТУР ХЕЙШИ

АРТУР ХЕЙЛИ

ДЕТЕКТИВ

Издательство АСТ
МОСКВА

Памяти Стивена Л. (Стива) Винсона, в прошлом — детектива отдела по расследованию убийств полицейского управления Майами, доброго друга и советчика, который умер в возрасте пятидесяти двух лет незадолго до окончания моей работы над этой книгой.

Жизнь подобна пиру Дамокла:
меч свыше грозит нам вечно.

Вольтер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В десять тридцать пять вечера двадцать седьмого января Малколм Эйнсли уже был на полпути к выходу из отдела по расследованию убийств, когда услышал за спиной телефонный звонок. Чисто инстинктивно Малколм приостановился и оглянулся. Позже ему не раз пришлось пожалеть, что он сделал это.

Детектив Хорхе Родригес проворно подскочил к свободно-му столу, снял трубку, послушал и окликнул Эйнсли:

— Это вас, сержант!

Эйнсли положил на стол книгу, которую держал в руках, и вернулся к своему рабочему месту. Движения его были четкими и легкими. Только что разменявший пятый десяток детектив Эйнсли обладал крепким сложением, ростом выше среднего и выглядел не хуже, чем в те времена, когда играл опорным защитником в школьной футбольной команде. Лишь небольшой животик был ему упреком в злоупотреблении гамбургерами, но таков уж удел сыщика — вечная сухомятка, все бегом.

Этим поздним вечером на пятом этаже главного здания полицейского управления Майами, где располагался отдел по расследованию убийств, царила полная тишина. Здесь работали семь следственных групп, каждая из которых включала сержанта и трех детективов. Но группа, которая дежурила сегодня, находилась на выезде, ей предстояло начать расследование трех не связанных одно с другим убийств, зафиксированных за

последние несколько часов. В Майами, штат Флорида, человеческие существа истребляли себе подобных без устали.

Официально рабочий день в отделе длился десять часов. Но почти всегда приходилось задерживаться. Вот и у Эйнсли с Родригесом смена давно закончилась, а они только-только поставили точку.

Эйнсли подумал, что наверняка звонит его жена Карен. Хочет узнать, когда он явится домой, ознаменовав тем самым начало долгожданного отпуска. Что ж, хотя бы в этот раз он сможет ей сказать, что уже выезжает, что привел в порядок отчетность, подчистил все дела и никто не помешает им теперь отправиться вместе с Джейсоном завтра утренним рейсом «Эйр Канада» из Майами в Торонто.

Эйнсли была необходима эта передышка. Хотя он все еще и пребывал в отменной физической форме, однако не чувствовал больше того неиссякаемого запаса энергии, с которым пришел на работу в полицию десять лет назад. Накануне, когда брился, заметил, что седины прибавилось, а волос стало меньше. Морщины к тому же... Ясно, отчего все это: работа в «убойном» отделе — сплошная череда стрессов. Во взгляде — настороженном и испытующем — проступили скепсис и даже цинизм, порожденные годами соприкосновения с людскими мерзостями.

К нему незаметно сзади подошла Карен и, словно прочитав, по своему обыкновению, мысли мужа, слегка взъерошила ему волосы со словами: «Мне лично ты очень нравишься».

Малколм привлек Карен к себе и крепко обнял. Она едва была ему по плечо; он щекой ощутил мягкую шелковистость ее волос; соприкосновение их тел всегда возбуждало обоих. Малколм чуть приподнял пальцем ее подбородок, они поцеловались.

«Я хоть и кроха, — сказала ему Карен вскоре после помолвки, — зато во мне бездна любви к тебе... и всего прочего, что тебе пригодится в жизни». Так и оказалось.

...Ожидая услышать голос Карен, Малколм, расплывшись в улыбке, снял трубку.

— Это Рэй Аксбридж, — произнес звучный баритон, — капеллан тюрьмы штата Флорида.

— Мы знакомы. — Эйнсли пару раз сталкивался с Аксбриджем, тот пришелся ему не по душе. Тем не менее он спросил вежливо: — Что побудило вас обратиться ко мне, святой отец?

— Одного нашего заключенного должны казнить завтра в семь утра. Его зовут Элрой Дойл. Он говорит, что знает вас.

Эйнсли моментально почувствовал, как вскипает злость.

— Еще бы не знать! Это ведь я засадил Зверя в Рэйфорд.

Ответная реплика прозвучала сдержанно:

— Хочу напомнить вам, сержант, что речь идет о человеке. Я предпочел бы не прибегать в разговоре к подобным прозвищам.

Эйнсли сразу вспомнил, почему в первую встречу Рэй Аксбридж вызвал у него антипатию: осел велеречивый...

— Бросьте, его все называют Зверем, — сказал Эйнсли, — включая, кстати, и его самого. Для такого извращенного убийцы прозвище даже мягковато.

Прозвище это пошло от доктора Сандры Санчес, помощника судебно-медицинского эксперта округа Дейд, которая, увидев изуродованные тела первых двух из двенадцати жертв Элроя Дойла, не сдержалась:

— Боже милостивый! Я достаточно повидала ужасов, но это — дело рук какого-то зверя в человеческом обличье!

Ее слова почти в точности повторяли потом многие.

Аксбридж между тем продолжал:

— Мистер Дойл попросил меня связаться с вами и передать, что он хотел бы встретиться с вами перед смертью. — Священник помедлил, и Эйнсли понял, что собеседник смотрит на часы. — До казни осталось чуть больше восьми часов.

— Дойл объяснил, зачем я ему понадобился?

— Он отлично понимает, что вы более чем кто-либо другой способствовали его аресту и осуждению.

— И что ж? — спросил Эйнсли нетерпеливо. — Он перед смертью хочет плюнуть мне в лицо?

Последовала пауза, после которой капеллан произнес:

— Я имел подробную беседу с заключенным, но должен вам напомнить, что содержание разговоров между духовным лицом и приговоренным к смерти является сугубо конфиденциальным и не подлежит...

— В таком случае я должен напомнить вам, что нахожусь в Майами, то есть в шестистах километрах от вас, и не собираюсь всю ночь гнать машину только потому, что этот псих сме-ха ради захотел увидиться со мной.

Эйнсли пришлось подождать, пока священник сказал:

— Он говорит, что ему нужно сделать признание.

Эйнсли был поражен. Он ожидал чего угодно, только не этого.

— В чем он хочет признаться? В совершенных им убийствах?

Вопрос напрашивался сам собой. На всем протяжении долгого судебного разбирательства, в ходе которого Дойл был обвинен в чудовищном двойном убийстве и приговорен к смертной казни, он твердил, что невиновен, несмотря на всю тяжесть улик, предъявленных следствием. Столь же горячо он отрицал свою причастность к десяти другим убийствам, которые ему не инкриминировались, хотя детективы были убеждены, что они тоже дело его рук.

Непостижимая жестокость этих двенадцати убийств потрясла и повергла в ужас всю страну. По окончании процесса один из известнейших обозревателей писал: «Содеянное Элроем Дойлом может служить самым сильным аргументом в пользу смертной казни. Но какая жалость, однако, что смерть от электрического разряда слишком быстра и ему не придется испытать мучения, которым он подверг своих жертв!»

— Не знаю, в чем он хочет признаться. Это вам предстоит выяснить самому.

— Черт возьми!

— Простите?

— Я сказал «черт возьми», святой отец. Держу пари, вам тоже доводилось говорить так.

— Не надо мне грубить.

Эйнсли вдруг в голос застонал, осознав, какая перед ним дилемма.

Если сейчас, на самом краю бездны, Зверь решился признать справедливость обвинений против себя в суде или, тем более, сознаться в совершении остальных убийств, это необходимо протоколировать. Пусть с одной лишь целью — за-

ставить заткнуться горстку горлопанов, в том числе и из организации противников смертной казни, которые даже сейчас считали Дойла ни в чем не повинным и твердили, что его сделали козлом отпущения, поскольку общественность требовала найти виновного как можно скорее. Признание Дойла их угомонит.

Большой вопрос, конечно же, на какое такое признание решился Дойл? Даст ли он показания в чисто юридическом смысле этого слова или же захочет излить душу, чтобы получить отпущение грехов? На суде один из свидетелей отозвался о нем как о религиозном фанате, у которого «дичайшая мешанина в башке».

Как бы то ни было, только Эйнсли, досконально знавший дело, способен довести его до конца. А значит, он должен, просто обязан отправиться в Рэйфорд.

Эйнсли со вздохом откинулся на спинку кресла. Как некстати! Карен будет в бешенстве. Не далее как на прошлой неделе она подстерегла мужа на пороге дома. Было около часа ночи, так что она успела хорошо продумать свою сердитую речь. Эйнсли в тот день пришлось заниматься убийством, которое произошло в ходе перестрелки между двумя бандитскими кланами. Случай сложнейший, он опоздал к праздничному ужину в связи с годовщиной их свадьбы. Жена встретила его у входной двери, сменив нарядное платье на розовую ночную рубашку. «Малколм, — сказала она, — так дальше продолжаться не может. Мы почти тебя не видим. Мы ни в чем не можем положиться на тебя. Даже когда ты дома, ты так измотан, что спишь на ходу. Пришла пора что-то менять в нашей жизни. Ты должен решить наконец, что тебе дороже. — Карен отвела взгляд. Потом закончила уже спокойнее: — Я говорю совершенно серьезно, Малколм. Поверь, это не блеф».

Он очень хорошо понимал, что имела в виду Карен. И был полностью с ней согласен. Однако что-то изменить было гораздо труднее, чем могло показаться на первый взгляд.

— Вы меня слушаете, сержант? — Тон Аксбриджа становился все более настойчивым.

— К сожалению, да.

— Так вы приедете или нет?

Подумав, Эйнсли ответил:

— Как вы думаете, святой отец, Дойл... Ему нужна исповедь в общепринятом смысле этого слова?

— К чему вы клоните?

— Ищу путь к компромиссу, чтобы не ездить в Рэйфорд. Не могли бы вы сами исповедать Дойла, но в присутствии представителя тюремной администрации? Тогда это можно трактовать как официальное признание, которое вносится в протокол.

Эйнсли знал, что зашел слишком далеко, и потому бурная ответная реакция не удивила его.

— Во имя всего святого! Как вы можете так говорить? Тайна исповеди священна! Уж вы-то должны это знать!

— Да, верно, извините. — Ему и в самом деле стоило повиниться перед Аксбриджем за последнюю попытку отбрыкаться от поездки. Теперь выбора не осталось.

Проще всего долететь до Джексонвилла или Гейнсвилла: тюрьма штата располагалась недалеко от этих двух городов. Проблема в том, что ночью туда не было рейсов. Успеть в Рэйфорд до казни Дойла можно только на машине. Восемь часов езды... Времени в обрез.

Эйнсли бросил взгляд на Родригеса, который вслушивался в разговор. Прикрыв трубку ладонью, Эйнсли негромко сказал:

— Нужно отвезти меня в Рэйфорд. Подыщи патрульную машину, завяжи ее и жди на нашей стоянке. И захвати мобильный телефон.

— Слушаюсь, сержант. — Хорхе быстро вышел.

— Я хочу, чтобы до вас дошло, Эйнсли, — священник говорил с нескрываемой злостью, — разговор с вами мне крайне неприятен. Я позвонил вам против своей воли, потому что меня попросил об этом человек, который обречен на смерть. Дойл знает, что вы в прошлом священнослужитель. Мне он исповедоваться не желает. Он готов раскрыть свою душу только перед вами. И как ни ужасна для меня подобная идея, я обязан уважить его просьбу.

Суть дела, казалось, начала проясняться.

Эйнсли ожидал чего-то в этом роде, как только услышал в трубке голос Рэя Аксбриджа. Жизненный опыт помог ему ус-

воить две вещи. Во-первых, прошлое иногда напоминало о себе совершенно неожиданно, а некоторые детали его прошлого, без сомнения, были Аксбриджу известны. Во-вторых, к бывшему священнику особенную предубежденность испытывали именно бывшие собраты. Остальные были вполне терпимы, даже миряне-католики, даже служители других религий... Но только не католические пастыри. Когда Эйнсли был в мрачном расположении духа, то приписывал это зависти — четвертому из смертных грехов.

Уже десять лет прошло с тех пор, как Эйнсли сложил с себя сан, и теперь он с полным правом мог сказать Аксбриджу:

— Послушайте, святой отец, как офицера полиции меня интересуют только те признания Зверя, которые имеют отношение к совершенным им преступлениям. Если именно в этом он захочет исповедаться мне перед смертью, я готов его выслушать, хотя у меня неизбежно возникнут к нему вопросы.

— То есть вы устроите ему допрос? — взвился Аксбридж. — Неужели даже сейчас в этом есть необходимость?

Эйнсли тоже не мог больше сдерживаться:

— Именно допрос! Если вы смотрите телевизор, то знаете, как это происходит. Мы сидим в маленьких комнатках без окон и задаем подозреваемым вопрос за вопросом.

— Дойл уже вне подозрений.

— Он по-прежнему подозревается в совершении других преступлений. Интересы общества требуют, чтобы мы выяснили все обстоятельства дела.

— Общественные интересы или личные амбиции, сержант? — съязвил Аксбридж.

— Что касается моих амбиций, то они были полностью удовлетворены, когда Зверя признали виновным и приговорили к смерти. Лишь профессиональный долг велит мне установить по возможности все факты.

— А меня больше беспокоит душа этого человека.

— Так и должно быть. — Эйнсли слегка улыбнулся. — Мое дело факты, ваше — душа. Займитесь душой Дойла, пока я в пути, а по приезде я приму у вас эстафету.

После этого Аксбридж заговорил официально:

— Я настаиваю, Эйнсли, чтобы вы дали мне сейчас твердое обещание, что в процессе общения с Дойлом не будете выдавать себя за представителя церкви. Кроме того...

— У вас нет никакого права отдавать мне приказы, святой отец.

— Мое право от Бога! — пророкотал Аксбридж.

— Мы попусту теряем время, — отозвался Эйнсли, не выносивший театральной патетики. — Передайте Дойлу, что я буду в вашем заведении раньше, чем он выпишется оттуда. И уверяю вас, я не собираюсь ни за кого себя выдавать.

— Дайте мне честное слово.

— О, бога ради! Считайте, что я его уже дал. Если бы мне хотелось шеголять в сутане, я бы остался священником. — И Эйнсли положил трубку.

Он сразу же поднял ее снова и отбарабанил по кнопкам номер начальника отдела лейтенанта Лео Ньюболда, который по случаю выходного дня должен был находиться дома. На звонок отозвался приятный женский голос с заметным ямайским акцентом:

— Квартира Ньюболдов.

— Привет, Девайна! Это Малколм. Могу я поговорить с боссом?

— Он спит, Малколм. Разбудить?

— Боюсь, что придется, извини.

Эйнсли ждал в нетерпении, сверяясь с часами, просчитывая расстояние, которое предстояло преодолеть, и время, которое для этого потребуется. Если не возникнет непредвиденных препятствий, они успеют. Но времени все равно остается в обрез.

Он услышал, как со шелчком была снята трубка параллельного телефона. Потом заспанный голос:

— Привет, Малколм. Какого дьявола? Разве ты не в отпуске? — У Лео Ньюболда тоже был ямайский выговор.

— И я так думал, сэр. Но тут кое-что случилось.

— Вот так всегда!.. Ладно, рассказывай.

Эйнсли кратко изложил свой разговор с Аксбриджем.

— Должен выезжать немедленно. Звоню, чтобы получить добро.

— Даю. Кто тебя повезет?

— Я беру Родригеса.

— Хорошо, только приглядывай за ним, Малколм. Этот ку-бинец водит машину как полоумный.

— Сейчас это как раз то, что мне нужно, — улыбнулся Эйнсли.

— А как же твой отпуск с семьей? Насмарку?

— Похоже на то. Я еще не говорил с Карен. Позвоню ей с дороги.

— Черт побери! Сожалею, что так вышло.

Эйнсли посвятил Ньюболда в их планы отметить завтра восьмой день рождения своего сына Джейсона одновременно с семидесятипятилетием отца Карен, бригадного генерала, отставника канадской армии Джорджа Гранди. Гранди жили в пригороде Торонто, на двойное торжество собиралась вся семья.

— В котором часу завтра самолет на Торонто? — спросил Ньюболд.

— В девять ноль пять утра.

— А казнь Зверя?

— В семь.

— Стало быть, освободишься ты в восемь и в Майами уже не успеешь. А из Джексонавилла или Гейнсвилла есть рейсы на Торонто? Ты узнавал?

— Нет еще.

— Тогда я этим займусь. Позвони мне через часок.

— Спасибо, позвоню.

Прежде чем выйти из отдела, Эйнсли взял портативный диктофон и спрятал его в карман пиджака. Что бы ни взбрело Доилу сообщить напоследок, его слова переживут его самого.

В вестибюле здания главного полицейского управления рядом со стойкой дежурных его уже дождался Родригес.

— Я взял документы на машину — тридцать шестой бокс на стоянке. И мобильный телефон. — Хорхе был самым молодым детективом в их отделе, и Эйнсли частенько приходилось помогать ему, но сейчас его юношеское рвение оказалось как нельзя кстати.